

Когда длинный нож со свистом рассек воздух, Линь Ци рывком присел. Лезвие в считанных сантиметрах пронеслось над его макушкой, обдав холодом, от которого юношу прошиб пот.

«Система, это ещё что...»

«Меньше слов. Перехожу в режим внешнего управления», — бесстрастно отозвалась Система.

Нападавший, промахнувшись, с яростью обрушил удар на деревянную дверь. Тонкое полотно не выдержало: щепки полетели во все стороны, и через пролом прямо перед лицом Линь Ци оказались налитые кровью глаза. Человек снаружи оскалился в пугающей, бездушной усмешке.

Грохот — и дверь вместе с нападавшим влетела внутрь, опрокинутая мощным пинком. «Линь Ци», чьи движения внезапно обрели неестественную гибкость, ловко перехватил нож и точным броском вогнал его в стену. Не давая противнику опомниться, он замахнулся и с силой наступил подошвой на пах стонущего на полу человека.

— А-а-а-а!

Душераздирающий вопль эхом разнёсся по пустому учебному корпусу.

Мэн Хуэй, услышав крик, тут же бросился на помощь.

Дверь в туалет распахнулась, и Линь Ци с Мэн Хуэем обменялись взглядами. Линь Ци впервые использовал «чит», поэтому чувствовал себя крайне неуверенно.

— Брат Хуэй... — заикаясь, произнёс он. — Кто-то хотел меня зарезать...

Мэн Хуэй рывком вытянул парня в коридор. Бросив полный ненависти взгляд на скорчившегося на полу мужчину, он тяжело выдохнул:

— Стой снаружи.

Поимка преступника вышла до крайности ироничной. Очнувшись в больнице после операции, тот обнаружил, что стал евнухом. Он начал буйнить и пытаться покончить с собой прямо на больничной койке, гремя наручниками. Следователь, наблюдавший за этой сценой с ледяным безразличием, лишь сухо бросил:

— Успокойтесь.

— Жить не хочу! Я так больше жить не буду!

— Не переживай, — ответил полицейский. — Недолго осталось.

Спустя несколько дней были готовы протоколы допроса.

Выяснилось, что два года назад этот человек, будучи пьяным, столкнулся на берегу реки с Сунь Чунхаем. Завязалась ссора, закончившаяся тем, что он просто столкнул оппонента в воду. А на Линь Юээ он напал лишь потому, что узнал о своём смертельном диагнозе.

— Если убивать, так всю семью.

— Хотел хоть напоследок сделать что-то стоящее.

Преступник говорил об этом вяло, с пугающим безразличием.

Дни стояли ясные. На кладбище царило умиротворение; изредка мимо проходили люди, чтобы прибраться и оставить цветы, привнося в это безмолвное место едва заметное дыхание жизни.

— Мама, убийцу поймали, — негромко произнёс Линь Ци.

Он положил на могильную плиту букет белых хризантем. Линь Ци ясно осознавал: Линь Юээ была персонажем, который навсегда ушёл в офлайн. Не будет ни загробного мира, ни встреч «на том свете», но его взгляд всё равно оставался нежным и полным привязанности.

— Мамочка, я люблю тебя.

С черно-белого фото на памятнике на него смотрела женщина с тёплой, любящей улыбкой.

Лёгкий ветерок шевелил короткие волосы юноши. В его душе поселились грусть и тоска, но не было ни капли раскаяния. Он не жалел, что позволил себе искренние чувства в этом маленьком мире. Он познал материнскую любовь, которой никогда не знал прежде, и был за это счастлив.

«Система, спасибо, что спасла меня тогда», — тихо прошептал он.

Ответа не последовало. Линь Ци лишь улыбнулся:

— Можешь не отвечать, я и так знаю, что ты рядом.

«...Не мешай мне смотреть кино», — наконец буркнула Система.

Мэн Хуэй стоял поодаль, сохраняя бесстрастное выражение лица, хотя в сердце его бушевала буря. Он думал, что сможет спасти Линь Юэя, но она всё равно погибла. Он пытался использовать того человека, но в итоге расплачиваться пришлось самому.

«А что же Линь Ци? Смогу ли я спасти его? И чью жизнь мне придётся отдать взамен на этот раз?»

Хрупкая фигура юноши у могилы шевельнулась. Линь Ци обернулся и улыбнулся другу. Ветер растрепал его волосы, обнажая уголки губ, застывших в мягкой улыбке.

Мэн Хуэй вынул руку из кармана и едва заметно помахал ему в ответ.

Линь Ци повезло: по баллам он едва прошёл в Университет Цинхуэй. Правда, с факультетом вышла промашка — из-за системы распределения его зачислили на кафедру китайского языка.

— Что мне делать, Брат Хуэй? — сокрушался юноша, разглядывая уведомление о поступлении.
— Можно ли сменить специальность после начала учёбы?

— А чем тебе не нравится кафедра китайского языка?

К удивлению Линь Ци, Мэн Хуэй, которого зачислили досрочно с правом выбора любого направления, проигнорировал финансовый факультет и выбрал Институт архитектуры.

Линь Ци взглянул на его документы и только покачал головой — оба пошли совсем не туда, куда планировали.

— Ну ладно, — пошутил он. — Ты будешь строить дома, а я — продавать их.

— И это все твои планы? — Мэн Хуэй ласково взъерошил его волосы. — Может, заведёшь себе хоть какую-нибудь мечту?

— Особых мечтаний нет. Хочется просто... жить по-человечески.

Взгляд Мэн Хуэя потеплел:

— Это, пожалуй, очень хорошая цель.

По крайней мере, теперь рядом с ним был Линь Ци, чьё сердце не было покрыто шрамами. Мэн Хуэй мягко обнял его, и студент ответил тем же. Это было чистое, лишённое всякого подтекста объятие — в этом мире они стали друг для друга единственной опорой.

Университетская жизнь потекла своим чередом: лекции, экзамены, новые знакомства и клубы. Линь Ци никогда раньше не жил такой жизнью. Мэн Хуэй, к слову, тоже. Он вынужден был признать: Линь Ци оказался прав, эта простая студенческая пора была по-настоящему прекрасна.

Они жили в разных корпусах, и расписание у них совсем не совпадало. Кроме выходных и праздников, Мэн Хуэй не навязывал своё общество в будни. Программа была плотной, часто проводились групповые занятия, но иногда он всё же заглядывал к другу в общежитие.

— О, Брат Хуэй пришёл, — дверь открыл Кэ Сиюй. Он был в семейных трусах и майке, со щёткой во рту.

Мэн Хуэй усмехнулся:

— Только встал?

— Ага, — сосед Линь Ци почесал затылок и направился в ванную. — Всю ночь за компьютерами просидели. Линь Ци ещё дрыхнет.

Мэн Хуэй кивнул и очень тихо прикрыл за собой дверь. Поставив пакет с продуктами на стол, он прошёл к кровати у окна и осторожно отодвинул тёмную занавеску. Юноша спал без задних ног, уткнувшись лицом в подушку. На щеке его горел румянец, а из-под махрового одеяла виднелось белое плечо. Мэн Хуэй невольно улыбнулся.

— Брат Хуэй, можно я возьму что-нибудь со стола? — громко крикнул Кэ Сиюй.

Мэн Хуэй приложил палец к губам и кивнул. Тот изобразил, что застёгивает рот на молнию, выудил из пакета пару булочек и на цыпочках выскользнул из комнаты.

Вскоре зазвонил будильник. Линь Ци подскочил, увидел Мэн Хуэя и в ужасе нырнул обратно под одеяло, оставив снаружи только макушку и широко распахнутые глаза.

— Брат Хуэй! Ты как тут оказался?!

— А мне что, нельзя? — Мэн Хуэй поднял голову.

Линь Ци замялся. Можно-то можно, но время было раннее, а на нём были только трусы. Мэн Хуэй поднялся, достал из шкафа футболку и шорты и бросил их на кровать.

— Одевайся.

— Спасибо... — тихо ответил Линь Ци.

Мэн Хуэй снова сел и начал выкладывать из пакетов доухуа и ютяо.

— Живо умываться и за стол, пока всё тёплое.

— Сейчас-сейчас! — под занавеской началось лихорадочное шевеление.

Спустя десять минут Линь Ци, уже умытый, принялся за завтрак.

— А где Сяо Юй? — спросил он.

— Вышел, — ответил Мэн Хуэй. — И почему вы не спали всю ночь?

— Пришлось срочно менять тезисы, сегодня проверка, вот и просидели до утра, — Линь Ци отпил доухуа и зажмурился. — В Третьей столовой доухуа просто божественное. Брат Хуэй, долго в очереди стоял?

— Вовсе нет, — небрежно отозвался тот. — Многие сами приносят мне их.

Линь Ци замер с ложкой в руке и подозрительно посмотрел на друга:

— Брат Хуэй, под «многими» ты имеешь в виду... тётушек из столовой?

Мэн Хуэй усмехнулся:

— В точку.

Линь Ци только диву давался: Мэн Хуэй умудрился перенести свою деловую хватку в общение с университетскими поварами. Он очаровал их всех и теперь получал лучшие блюда. Даже

недавно открывшуюся Третью столовую покорил.

— Моё почтение, — искренне восхитился Линь Ци.

Тётушки в столовых были куда опаснее любых бизнес-партнёров.

— Пустяки, — Мэн Хуэй потрепал его по макушке. — Ешь давай, а то остынет.

Пережитое сделало Линь Ци более открытым и весёлым, он стал чаще улыбаться. Мэн Хуэй тоже изменился: его аура «опасного человека» смягчилась. Они жили как настоящие братья.

— Завтра выходные, есть идеи? В городе открывается выставка авторской иллюстрации, там показывают черновики зарубежных художников. Судя по описанию, должно быть интересно, — предложил Мэн Хуэй.

Линь Ци задумался на секунду.

— Я за. Но, Брат Хуэй... я ужасно хочу шашлычков.

— Будут тебе шашлычки. На шпажках? Или ходим в корейский ресторан?

— На шпажках. Корейский ресторан над Второй столовой — это не то, — Линь Ци явно настроился на уличную еду.

— Ладно, поищу какое-нибудь место с хорошими отзывами неподалёку от выставки.

— О-о-о! — в комнату ввалился Кэ Сиюй. — Я всё слышал! Шашлыки! Требую долю за молчание!

— У тебя крошка от булки на губе, утрись сначала, — подколот его Линь Ци.

Кэ Сиюй мазнул ладонью по лицу и отвесил шутовской поклон:

— Благодарю господина Мэна за божественные булочки со свиной. А завтра... забирайте этого Линь-сяочжу хоть на весь день.

— Теперь я точно знаю, у кого Линь Ци набрался этого острословия, — покачал головой Мэн Хуэй.

Кэ Сиюй, не стесняясь, переоделся в свежую футболку.

— Брат Хуэй, тут ты в корне не прав. Это я у него учусь! Твои родственные фильтры слишком сильно затуманивают реальность, надо же смотреть на вещи объективно.

— Да замолчи ты уже, — не выдержал Линь Ци и впихнул в руки другу недоеденный ютяо. — Держи, доедай и помалкивай.

Кэ Сиюй ловко перехватил угощение и снова картинно поклонился:

— Премного благодарен, господин Линь.

— Проваливай! — рассмеялся Линь Ци.

Мэн Хуэй наблюдал за их перепалкой с мягкой улыбкой. Ему нравилось видеть друга таким — живым и свободным.

Раздался стук в дверь.

Кэ Сиюй пошёл открывать.

— О, Секретарь Шэнь.

— Не паясничай, — Шэнь Хаоцянь жестом пресёк готовящееся выступление. — Я зашёл предупредить наших «несравненных близнецов»: в выходные идём на встречу с Институтом архитектуры. У нас в институте парней — раз-два и обчёлся. Это политическая задача, явка обязательна, прогулы не принимаются.

При распределении Линь Ци и Кэ Сиюй оказались вдвоём в одной комнате, а поскольку оба были симпатичными и опрятными, в институте их в шутку прозвали «несравненными близнецами».

Лицо Кэ Сиюя мгновенно вытянулось. Он обернулся:

— Господин Мэн, боюсь, наши шашлычные планы под угрозой.

Шэнь Хаоцянь заглянул в комнату и, увидев рослого Мэн Хуэя, расплылся в улыбке:

— О, Брат Мэн тоже здесь! Как удачно. Ваш Институт архитектуры будет налаживать контакты с нашим Институтом гуманитарных наук. У нас, между прочим, куча красавиц будет. Бросайте свои шашлыки, такое нельзя пропускать.

Мэн Хуэй лишь неопределенно улыбнулся.

— Секретарь, я правда не могу, — подал голос Линь Ци.

— Это ещё почему? Если причина не будет веской, я её не приму.

Линь Ци замялся на мгновение, а потом выпалил:

— У меня есть девушка.

— О-па! — первым отреагировал Кэ Сиюй. Он подскочил к другу и начал трясти его за плечи.

— Ах ты жук! Скрывал от коллектива! Ну всё, готовься к пыткам, — он принялся нещадно щекотать юношу. — Колись! Колись!

— Пока не увижу её своими глазами — не поверю, — отрезал Шэнь Хаоцянь.

Линь Ци, задыхаясь от смеха, пытался отбиться:

— Честно! Она правда есть! Спросите у Брата Хуэя, он подтвердит!

Мэн Хуэй с самым невозмутимым видом кивнул:

— Есть. Редкая красавица. Нежная, заботливая, души в нём не чаёт. И ещё... она очень любит кошек.

Кэ Сиюй замер, подозрительно прищурившись:

— Что-то звучит слишком идеально для живого человека.

«И не говори», — про себя подумал Мэн Хуэй.

— Конечно, она настоящая, — Линь Ци поправил одежду, его лицо заметно порозовело. Он опустил взгляд, и на губах его заиграла печальная, но бесконечно тёплая улыбка. — Есть у неё и имя, и фамилия, просто я не хочу вам говорить.

Он немного помолчал, а затем добавил:

— Он — тот, кого я храню глубоко в своём сердце.